

ЛОРА БЕЛОИВАН

СТАРШИЙ СЕРЖАНТ ВОДОРЕЗОВ

Между широкой федеральной трассой и Южнорусским Овчаровом одиннадцать километров пути по вихлястой асфальтовой двухполоске, бегущей по сопкам сквозь толстый лиственный лес. Дорога сплошь утыкана предупреждающими знаками об опасных поворотах: жестяные треугольники, выхваченные из тьмы светом фар, приветливо сияют навстречу запоздалому путнику, как, случается, сияют пробегающим мимо машинам кладбищенские портреты. Ездить по этой дороге поздним вечером неприятно в любое время года, даже ясной зимой, когда луна поливает как из брандспойта и лес стоит прозрачный и бесконечный во все стороны. Вдобавок ко всему, на протяжении одиннадцатикилометрового пути имеются два глухих участка, где напрочь отсутствует мобильная связь и не ловится радио. Один из этих перегонов находится в трех километрах от выезда на трассу. Когда едешь из города, то проскакиваешь странное место почти не замечая — может быть, потому что преисполнен городских эмоций, создающих помехи, которые не позволяют выхватыв-

вать из эфира его тонкие угрозы и предупреждения; когда же едешь из деревни, то дело плохо. Человек, едуший из деревни на ночь глядя, должен быть готов ко всему.

У нас очень не любят отпускать домой засидевшихся городских гостей. Оставляют их ночевать с настойчивостью, переходящей в настырность, ничего при этом не объясняя, лишь приговаривая несуразное: «Ну куда вы ночью, ну нельзя ночью ехать, ну нет, вот здесь мы вам постелем, а утром уж и поедете», но чаще всего гости зевают и соглашаются, а те, у кого дома невыгулянная собака, тех уговаривать бесполезно, но они всегда уезжают раньше и доезжают благополучно. Впрочем, все всегда доезжают благополучно, ничего странного не происходит с гостями по дороге из Овчарова на федеральную трассу, единственным исключением был фотограф Никита, приезжавший к Соникку, чтобы отснять его новые парусоподобные картины и провозившийся до половины четвертого ночи — вот с Никитой случилась непонятная история, — да и как «непонятная»: все ясно как белый день; Никита, сроду не знавший об особенностях наших одиннадцати километров, вдруг смертельно, панически испугался в трех км до выезда на федералку, потому что почувствовал, что в машине, кроме него самого, есть еще кто-то, сидящий на заднем сиденье; Никита рассказывал, что этот «кто-то» очутился в машине внезапно, он угадал момент его появления позади себя, как будто неведомый пассажир запрыгнул в машину на ходу, просочился сквозь задраенные окна и ехал, держась руками за подголовник водительского кресла и дыша

ему, Никите, в затылок ледяным дыханием. Никита рассказывал, как два взаимоисключающих желания боролись в нем: съехать на обочину и остановиться, чтобы выйти из машины и обследовать ее салон — и никуда не съезжать, ни в коем случае не останавливаться и даже не смотреть в зеркало; тем более не смотреть в зеркало.

Никита остановился через 800 метров после выезда на трассу, включил аварийную подсветку и принялся последовательно срывать с себя куртку, пиджак, рубашку и футболку — последние два слоя одежды были насквозь мокрыми, пришлось надевать пиджак на голое туловище.

— Я кого-то подвез, — рассказывал потом Никита Сонику, — натурально: почувствовал, как он исчез. Почти на самом повороте. Раз — и нет никого. Что у вас там, в этом месте, не знаешь? Не где поворот в смысле, а за три километра до.

— Никто не знает случайно, что у нас там за три километра до трассы? — спросил Соник завсегдаев кафе «Синий ара».

— Вообще я что-то такое тоже чувствовал пару раз, — сказал Захаров, — но в основном еду себе и еду. А я часто ж поздно домой. Тьфу. Соник! Вот зачем рассказал? Теперь бояться буду. Икону повешу. И крест. И лампаду.

Все вежливо хмыкнули, изображая смех.

— Что-то такое я слышал, не помню, кто-то из местных рассказывал же, — сказал Владыч, — что херня там какая-то происходит иногда. А, вспомнил —

машины там бьются часто. Но это про другое. Там дорога неправильно сделана — на повороте у нее уклон в другую сторону, это глазами даже видно.

— Кстати, да, — сказал Жмых, — натурально уклон не туда.

— И все-таки не про уклон речь, — констатировал Соник.

— Так, — сказала Анна, — мне, между прочим, послезавтра в аэропорт к четырем ночи надо.

— Анна, давайте я с вами поеду, — предложил Жмых, — сяду на заднее сиденье.

— Ага, а я посмотрю в зеркало, а там вместо вас прозрачная фигура в капюшоне, — ответила Анна.

— А давайте мы все с вами в аэропорт поедем? — предложил Соник, — все, поди, не превратимся. А зачем вам, кстати, в аэропорт?

— Вот, кстати, тоже хотел спросить, — сказал Владыч.

— Мамину подругу встречаю, — сообщила Анна нехотя, — из Питера прилетает.

— К вам? — осторожно уточнил Жмых.

— Нет, — поежилась Анна, — к своим кому-то. Мне везет что-то ценное. Мама передала.

— Ну, хорошее дело, — сказал Жмых, — так что, нельзя с вами в аэропорт?

— Нельзя, — кивнула Анна, — да я придумаю что-нибудь. Ну, приеду туда вечером, посплю на парковке в машине, обратно ехать уже по утру практически, пока багаж, пока то-се.

— Ну это куда ни шло, — согласился Жмых, — но если передумаете, то свистите в любое время. Или хотите машину сопровождения?

— Две машины, — предложил Захаров, — одна впереди, одна сзади, вы в середине.

— Четыре машины, — сказала Анна, — не выдумывайте. Точно, поеду вечером, так что имейте в виду, послезавтра не работает лавочка.

— Дура, почеси арочку, — встрепенулся гиацинтовый ара.

Анна посмотрела на попугая.

— Ээээ... Нет, слушайте, я вам завтра ключ оставлю, — сказала она, — вы тут сами. Ложечки только не воруйте.

О том, что собиралась ехать в аэропорт в безопасное вечернее время, Анна не то чтобы забыла или передумала, а просто так получилось.

— Я проспала! — рассказывала она, — я на минутку только глаза прикрыла, было десять вечера, просыпаюсь — два ночи! Прямо в кресле, в одежде верхней, я выходить уже собиралась, машину завела и собиралась выходить, я даже не понимаю, почему я в кресло это залезла, с ногами причем!

Звонить Жмыху или кому-то еще Анна посчитала грубостью. Но дело было даже не в этом, а в том, что она не ощущала ни малейшего трепета или тревожного предчувствия по поводу дороги — со всей ее репутацией. Моя машина — моя крепость; удобный руль, уютное свечение приборной доски, сиденье с подогревом; взяла с собой кружку-термос с кофе — что может быть безопаснее и надежнее, чем кружка кофе в гнезде над пепельницей; включила канал с хитами 80-х, поехала.

...Только что прошел дождь. Лес по обе стороны дороги был черен и спокоен, асфальт мягко, без всплесков, лился под колеса, по салону плыл сладкий Modern Talking. После Modern Talking сразу дали Шевчука, после Шевчука, километров через пять, появилась и исчезла позади встречная машина, еще через километр Анна увидела в зеркало приближающийся свет фар, кто-то ехал очень быстро, нагонял — нагонял, нагнал, обогнал, исчез впереди за поворотом; еще через полтора километра зашипело и закаркало радио; в этот же миг Анна заметила, что машина теряет скорость. Педаль газа проваливалась в пол, не имея больше никакого влияния на процесс. Проехав по инерции до очередного подъема в сопку, машина остановилась и стала скатываться обратно. Анна вырулила к обочине, переключилась на паркинг и достала телефон: ни одной антенны.

Двигатель продолжал работать тихо и ровно, приборы показывали абсолютную норму, машина была в порядке — только не ехала. Анна почувствовала, что вокруг нее, снаружи — пока еще снаружи — что-то происходит. Сгущается. Нарастает. Приближается. В зеркале заднего обзора мелькнула тень. Боковым зрением Анна заметила еще одну тень слева от машины. Тени двигались, пропадали, но не исчезали, а как будто прятались — до поры — не желая быть обнаруженными раньше времени. Раньше какого времени? Анна отбросила телефон на пассажирское сиденье, схватила кружку с кофе, вцепилась в нее обеими руками и начала пить — квадратными, остроугольными глотками, не глядя ни по сторонам, ни вперед, ни на-

зад. Когда кофе был почти выпит — на дне кружки оставался едва ли глоток — впереди на дороге мелькнул, пропал, затем подсветил небо свет фар — кто-то уже въехал на подъем, вот-вот перевалит его и будет здесь.

Дальнейшее произошло быстро. Встречная машина перевалила сопку и через несколько секунд уже стояла борт о борт с Анной. «ГАИ», — прочитала Анна на синей полосе прибывшего автомобиля. Это были «Жигули». Из «Жигулей» вышел человек и сказал, обращаясь к кому-то позади Анниной машины:

— Расходимся, расходимся, расходимся, — а затем постучал в окно к Анне и спросил: — чего стоим?

Анна продолжала сидеть, вцепившись в кружку, на дне которой еще оставался глоток кофе.

— Старший сержант Водорезов, — представился гаишник, — вы пьяны?

— Нет, — ответила Анна, — нет. Сейчас документы.

— Я видел, — почему-то сказал гаишник и снова спросил: — почему стоим? Езжайте.

— Не едет, — сказала Анна, — газ проваливается.

— Так не бывает, — усомнился сержант Водорезов, — почти. Попробуйте еще.

Анна нажала на газ, двигатель взревел на холостых оборотах, педаль отыграла упруго и мягко.

— Ну вот, все едет, — сказал гаишник, — счастливого пути.

— Спасибо, — сказал Анна, — спокойной ночи.

В аэропорт она приехала с кружкой в руке. Так и рулила — в одну с половиной руку. Заметила это лишь тогда, когда надо было забрать парковочный талон из автомата. Допила остывший остаток, поставила круж-

ку в гнездо, взяла талон, въехала на парковку, взяла пустую кружку назад и пошла внутрь аэропорта — искать автомат с кофе. Нашла. Скорила автомату соевую бумажку и даже не обратила внимания, что из зоны прибытия начали выходить пассажиры; обернулась на имя.

— Анечка! Тут я! Ой, как ты выросла, с ума сойти, ой дай я на тебя посмотрю!

Анна вспомнила, как зовут материну подругу — тетя Тома.

— Вы тоже, — сказала она не очень кстати, — то есть, я хотела сказать, дайте я тоже на вас посмотрю.

— Ай, чего на меня смотреть, — сказала тетя Тома, — пойдем-ка в сторонку отойдем на улице где-нибудь, я тебе отдам кое-что.

Анна постепенно возвращалась в настоящую безопасную реальность, глядя, как тетя Тома ставит чемодан на бетонную дорожку, распаковывает багаж и отделяет от него увесистый сверток.

— Топор твоего отца, — сказала она, вручая сверток Анне, — ну все, девочка моя, вон я вижу, меня встречают, пока-пока-пока!

В одной руке с топором в желтой оберточной бумаге, перемотанной скотчем, и с пустой кружкой — в другой, Анна вернулась в машину и посмотрела на время — 04:20.

— Вопрос первый: сколько я простояла на дороге? Вопрос второй: почему — топор? Вопрос третий: почему гаишник был в советских «Жигулях» и в советской гаишной форме? Хотя чего я.

Завсегдатаи «Синего ары» сидели вокруг столика, в центре которого лежал топор.

— У меня один ответ точно есть, — сказал Жмых, — про топор.

— Какой? — Анна с надеждой смотрела на Жмыха.

— Ну, просто хорошая вещь, — сказал Жмых, — наследственная, тем более.

— О господи, — сказала Анна, — вот он мне зачем?

— Мы этого пока не знаем, — ответил Жмых, — но не исключено, что узнаем.

— А про гаишника этого? Водорезова старшего сержанта? — спросил Соник.

— Вот это, кстати, надо выяснить, — сказала Анна, — он меня спас.

— Вас, Анна, спас мертвец, по всей видимости, — сказал Владыч.

— Тоже так подумал, — кивнул Жмых.

— Да это-то понятно, — сказала Анна, — вопрос — от кого?

— Вопрос, действительно ли мы хотим это знать, — сказал Соник.

— Господи, какая долбанутая деревня, боже мой, — сказала Анна, — и, кстати, двух ложечек все-таки не хватает.

У Анны дома обычный френч-пресс на 400 мл и электрическая кофемолка «Бош», сделанная, как и весь мир, в Китае. Анна любит смесь мокко и арабики 1:1. Заваривает только свежий помол, пока не улетучился запах. Рецепт очень прост: содержимое полной кофемолки высыпать в колбу френч-пресса, залить крутым кипятком, выждать 3 минуты и медленно опустить пресс. В дорожный вариант Анна кладет столовую ложку сахара без горки и никогда не добавляет в кофе кардамон, потому что терпеть его не может.

АННА ЛИХТИКМАН

БЛЕСК, БЕЗУМИЕ, БЕРУШИ

Я просыпаюсь от воя, лязга и скрежета. Кто-то в небе бьет в ржавые литавры. Кто? Зачем? И в тысячный раз я вспоминаю, что все никак не выберусь купить беруши, что наш дом, наш 108 алеф стоит рядом с арабской деревней, что сейчас, должно быть около четырех утра, и что на верхушке минарета укреплены усилители и скрежет — это какие-то звуковые помехи, а вой — это молитва.

Я заснула прямо на диване в квартире Авишаг, моей соседки. Она позвала меня к себе на десятый этаж, выпить кофе и поболтать. Потому что «мы женщины и должны пить кофе, ведь правда же?» Видимо, мы заболтались. А потом я отключилась на диване. В черном окне отражается красный абажур и журнальный столик, на котором, словно резная избушка на тигриных ножках, стоит марокканский кофейник. Вчера вечером Авишаг встретила меня на пороге своей квартиры. В своем красном, атласно-адидасном спортивном костюме и бирюзовых шлепанцах, она напоминала тропического моллюска, но я тут же за-